

Надоело!

Л. И. Аксельрод (Ортодокс).

Надоело. Количество перешло в качество. Решительно ни с того, ни с сего, без всякого повода стали появляться «Под Знаменем Марксизма» выпады против меня. В начале робкое, затем все смелее и смелее и по качеству и по количеству. Обвинение тяжкое: я вдруг оказалась «ревизионисткой» в марксистской философии. Теперь в каждом номере, без всякого исключения, повторяют эту клевету и родоначальники ее, и последователи. Подобно знаменитой исторической старухе, которая притащила свое полено на костер еретика, Дмитриевы и Розановы тащут свои поленья на воображаемый ими костер. Но между доблестной старухой и Дмитриевыми и Розановыми есть разница: там можно было сказать и согласно свидетельству истории было сказано: *sancta simplicitas!* В отношении же Дмитриевых и Розановых правильна лишь вторая половина: простота-то простота, только далеко не святая. Костер соорудили, прежде всего, по поводу моей «ереси» в оценке философии Спинозы. Я не считаю Субстанцию Спинозы материей; ergo, я «ревизионистка». Почему так? Потому, что Спиноза рассматривался Плехановым, с точки зрения всех учеников Деборина, как последовательный материалист. Во-первых, если бы я в этом пункте, действительно, расходилась с тем или другим марксистом-классиком, то разве такое расхождение можно считать «ревизионизмом»? А как быть например, с этой точки зрения, с оценкой тех мыслителей, о которых классики марксизма ничего не успели сказать? Если считать «ревизионизмом» различия в оценке того или другого частного явления, то совершенно ясно, что для последователей марксизма ничего не оставалось бы, как повторять и повторять беспрестанно и томительно скучно — то, что сказано было мастерами. Иначе говоря, живая, вечно-творящая теория диалектического материализма должна была бы превратиться в мертвящую религиозную догматику.

Все это, разумеется, выражаясь языком Глеба Успенского, «сумасшедшие пустяки», и всякий мало-мальски мыслящий марксист это понимает. Подозреваю, что понимает это и Вайнштейн, и Чучмарев, и Дмитриев, и Розанов, и *tutti quanti*. Но суть дела в том, что «простота» их — далеко не святая.

Далее по существу.

Совершенно не верно, что Плеханов считал Спинозу последовательным материалистом и что Субстанция Спинозы рассматривалась им, как материя. Всегда и везде, где только Плеханов касается Спинозы, он говорит о «теологическом привеске», повторяя формулировку Фейербаха и соглашаясь с ней. А теологический привесок есть привесок, заставивший Фейербаха исправить и переделать Спинозу в том смысле, что не *Deus s i v e Natura*, как это имеет место у Спинозы, но *a u t Deus, aut Natura*¹⁾. И вот что говорит Плеханов о Спинозе в предисловии к Введению Деборина: «Еще в 1843 году Фейербах высказал совершенно основательное убеждение в том, что учение Спинозы было выражением материалистических понятий новейшей эпохи. Конечно, и Спиноза не избежал влияния своего времени. Его материализм был, по замечанию Фейербаха, одет в т е о л о г и ч е с к и й к о с т ю м. Но важно было то, что им, во всяком случае, устранялся дуализм духа и природы. Если природа называется у Спинозы богом, то одним из атрибутов его бога является п р о т я ж е н н о с т ь . В этом и состоит «коренное отличие спинозизма от идеализма» (курсив Плеханова). Что же сказано здесь Плехановым? Сказано ясно и отчетливо, что Спиноза является выразителем материалистической мысли его эпохи и что материалистический характер в его учении о Субстанции или о боге состоит в том, что Субстанции или богу приписывается атрибут протяженности, т.-е. материи, и что, следовательно, тем самым его учение отличается от идеализма, с точки зрения которого материя не может по существу считаться равноправной с духом, как это имеет место у Спинозы, ибо, как известно, согласно идеализму за материей не признается никакой действительности. В этом именно смысле учение Спинозы о Субстанции, даже совершенно независимо от других, чисто-материалистических элементов системы мыслителя, являлось подлинным прогрессом в направлении к материализму. Плеханов рассматривает Субстанцию Спинозы с точки зрения подлинно исторической. В приведенной краткой формулировке Плеханов, как и Фейербах, рассматривает спинозовское учение под углом эпохи и с точки зрения того звена, которое оно составляет в истории материализма. Наши же «диалектики» совершают обычно свои оценки не с диалектической точки зрения, а с чисто м е т а ф и з и ч е с к о й и м е х а н и ч е с к о й . Они рассматривают то или иное учение прошедшего не как выражение эпохи и, следовательно, не как звено в историческом развитии, а путем простого механического сравнения его с марксистской философией. Раз в отношении Спинозы Фейербахом и Плехановым применен термин «материалист», то все остальные пояснения, как, напр., «материалист своей эпохи» или слова «теологический привесок», или же категорическое и правильное утверждение Плеханова, что материализм Спинозы заключается в том, что богу он приписывает атрибут протяженности, — словом, все те вычеты из материализма Спинозы, которые делают Спинозу для нашего времени непоследовательным материалистом, отбрасываются «философами» из «Под Знаменем Марксизма», и Спиноза оказывается в их руках материа-

¹⁾ Не «бог или природа», но «или бог, или природа».

листом на все 100%, если даже не больше. А тот, кто не коверкает текстов Фейербаха и Плеханова и текста самого Спинозы, тот провозглашается «реви-зионистом». И какой абсурд утверждать, что Субстанция Спинозы есть материя. Признать ее материей, значит конструировать такое странное существо: субстанция есть материя, один ее атрибут — материя, другой атрибут — мышление; а сверх того у этой же субстанции, — по Спинозе, — предполагается еще бесконечное число прочих бесконечных атрибутов.

Послушаем насчет сущности субстанции одного весьма компетентного свидетеля. Этот свидетель родился в 1632 году в Амстердаме. Имя его — Барух или Бенедикт. Фамилия — Спиноза. И вот этот самый Спиноза, который — увы! — является виновником моего «ревиизионизма», писал в письме к Ольденбургу в конце 1675 года следующие, неприятные для моих обвинителей строки: «Я считаю, что бог есть, так сказать, имманентная, а не потусторонняя причина всех вещей. Все в боге, и богом движется; это я говорю, хотя несколько в ином смысле, вместе с Павлом и, может быть, со всеми старыми философами, и даже, я решился бы сказать, вместе со всеми древними иудеями, — насколько можно судить по некоторым, во многих отношениях, искаженным преданиям. Однако же, если некоторые читатели полагают, что Теологико-Политический Трактат исходит из мысли о т о ж д е с т в е б о г а и п р и р о д ы (при чем под природой подразумевается к а к а я - т о м а с с а и л и в е щ е с т в е н н а я м а т е р и я), то они совершенно заблуждаются»¹). Думаю, что взгляд Спинозы на то, что его субстанция не есть материя, выраженный с такой ясностью и такой категоричностью, не нуждается ни в каких комментариях. Тут же должна сделать следующую оговорку:

В этой краткой заметке я не стану заниматься разбором философических курбетов Вайнштейна, Чучмарева, Дмитриева. Критике этой «организованной путаницы»²) посвящена обстоятельная статья одного моего компетентного в этом вопросе товарища, которая в свое время появится в печати, если к тому не представится объективных препятствий. Моя же цель в данной заметке — ответить, по возможности, кратко, на новый выпад против меня и все по поводу моего понимания Спинозы. В последнем номере «Под Знаменем Марксизма» помещена библиография литературы о Спинозе с вступительной заметкой т. Я. Розанова. Эта заметка, выражаясь философским языком—наподобие монаде Лейбница, отражает в концентрированном виде путаницу всех остальных моих почтенных «критиков», а потому я и останавливаюсь именно на ней. В означенной заметке т.Розанов выражает

¹) Переписка Спинозы. Пер. Гуревич-Вольнского. Стр. 146—147. *Deum enim rerum omnium causam immanentem ut oīunt, non vero transeuntem statuo. Omnia, inequam, in Deo esse et in Deo noveri com Paul affirmo, et forme etiam cum omnibus autiquis philosophis, licet alio modo; et auderum etiam dicere, cum aut iquis omnibus. Hebraeis quantum et quibusdam traditionibus, tametsi mustes modis adulteratis, conicere licet. Attamen quod quiden putaut, tractatum theologico-politicum co niti, quod Deus et natura (per quam masam quandam sive materiam corpoream intelli-gunt (unum et idem sint, tote errant via).*

²) Это остроумное выражение, сказанное по другому случаю, принадлежит Гросман-Рошину.

свою большую тревогу по поводу того, что я «увы!» («увы» принадлежит т. Розанову) встала на путь «ревизионизма». Грозными признаками этого «ревизионизма» является все та же моя оценка Спинозы. Т. Розанов цитирует следующие строки Плеханова: «Спиноза, несмотря на теологическую оболочку его основной философской идеи, должен быть отнесен к материалистам». «Плеханов в этом вопросе—пишет т. Розанов—собственно лишь развил ту точку зрения, которую в свое время выдвинул Энгельс в Анти-Дюринге и «Диалектике природы», причислив Спинозу к «блестящим представителям диалектики», пытавшемуся «вслед за французскими материалистами объяснить мир из него самого».

Давайте, читатель, разберем это. Во-первых, Плеханов, говоря о материализме Спинозы, тут же, как мы видели даже из цитаты т. Розанова, делает, как и всегда, весьма существенную оговорку, что философии Спинозы свойственна теологическая оболочка, при этом следует напомнить еще раз, что, по Плеханову, эта самая теологическая оболочка обуславливалась эпохой, как и материализм Спинозы, который тоже был выражением своего времени. Во-вторых, ссылка на то место из Анти-Дюринга, где Энгельс причисляет Спинозу к «блестящим представителям диалектики», не имеет ни малейшего отношения к тому, что я писал о Спинозе, ибо я не отрицала и не отрицаю диалектического элемента в системе великого мыслителя. Это с одной стороны. С другой, разве элементы диалектики в системе какого-нибудь философа определяют собою данного философа, как последовательного материалиста? Если бы это было так, то не только Гегель, но и Плотин были бы материалистами в самой высокой степени ¹⁾.

В-третьих, мысль Энгельса, что Спиноза объяснял мир «из него самого», высказана мною в инкриминируемой мне статье²⁾, еще раньше, чем вышла в свет «Диалектика природы» Энгельса, что могу подтвердить хотя бы заключительными выводами моей статьи, гласящими:

«Центр тяжести системы Спинозы составляет единство мироздания. Вытекающие из принципа единства мироздания основные положения суть: 1) отрицание акта творения творца и трансцендентной телеологии (это и значит, тов. Розанов, объяснять мир из него самого); признание единственным и универсальным методом исследования механической причинности (механической в смысле отрицания трансцендентной телеологии). Эти основные положения, проникающие собою систему Спинозы, роднят эту систему как со старым, так и с новым — диалектическим — материализмом».

Что же, есть тут противоречие с Энгельсом или Плехановым? Думаю, что никакого противоречия тут нет, и что, наоборот, я шла по пути Энгельса, хотя и не была еще знакома с его «Диалектикой природы».

Нельзя как-то не отметить еще одного курьеза в приведенной выдержке из заметки т. Розанова, а именно, что Спиноза «вслед за французскими

¹⁾ Впрочем, диалектика Гегеля уже была признана на страницах «Под Знаменем Марксизма» материалистической диалектикой. Можно ожидать, что наши «ортодоксы» доберутся и до плотиновского «материализма».

²⁾ «Спиноза и материализм», «Кр. Новь», 1925 г., сентябрь.

материалистами объяснял мир из него самого. Эта фраза приписывается т. Розановым Энгельсу. Энгельс, следовательно, если верить цитате т. Розанова, считал Спинозу последователем французских материалистов. Полагаю, что это, по всей вероятности, корректурная ошибка в заметке т. Розанова. Но возможно, что это просто небрежное отношение Розанова к списыванию цитат. Ибо т. Розанову, судя по корявости всей ею заметки, в конце концов, решительно все равно, точна ли цитата, взятая из Энгельса, или даже кто кому предшествовал: Спиноза французским материалистам, или, наоборот, французские материалисты Спинозе, — только бы я оказалась — «увы!» («увы» принадлежит т. Розанову) — «ревиизионисткой»¹⁾.

Перехожу теперь к главному обвинению. По категорическому заявлению т. Розанова выходит, что я изменила свой взгляд на философию Спинозы, а посему я вступила на путь «ревизии» марксистской философии. Во-первых, надо сказать, что трудно себе даже представить такой нелепый взгляд со стороны марксиста на то, что такое ревиизионизм. Мы все, старые марксисты, под ревиизионизмом отнюдь не понимали собственное умственное развитие того или иного марксиста и критическое отношение к тем или иным своим взглядам, касающимся того или другого частного явления. Наоборот, диалектический материализм настоятельным образом требует критики и самокритики. Так что, если бы я даже в том или другом отношении и изменила свой взгляд на систему Спинозы, то отсюда абсолютно не следует, что я отказалась от того или другого принципа диалектического и исторического материализма. Говорить об этом прямо даже стыдно: до такой степени все это элементарно. Это — вообще. В частности же, я осталась при том же взгляде на Спинозу, который мною был высказан 20 и 25 лет тому назад. Т. Розанов пишет:

«В свое время тов. Л. Аксельрод считала систему Спинозы «последовательно-продуманным мировоззрением гениального мыслителя», базирующуюся на материалистической основе и с особенной четкостью и глубиной выраженным в замечательной формуле Спинозы о том, что порядок и связь идей соответствуют порядку и связи вещей. Тогда же тов. Аксельрод жаловалась, что истинна философская сущность спинозизма «искажалась и искажается идеалистическими историками»; ныне — увы! (вот оно это «увы», которое упомянуто выше и которое, как видите, принадлежит тов. Розанову. Л. А.) — тов. Аксельрод своей интерпретацией спинозизма в духе «неподвижного параллелизма», прощупыванием присущего якобы спинозизму разрыва между «атрибутом материи о т атрибута мышления» (увы, без-

¹⁾ На самом деле, у Энгельса сказано так: «Нужно считать огромным достоинством и честью тогдашней философии, что она не поддалась влиянию ограниченной точки зрения тогдашнего естествознания, что она — н а ч и н а я от Спинозы и к о н ч а я великими французскими материалистами — настойчиво пыталась объяснить мир из него самого, предоставив детальное оправдание этого естествознанию будущего». (Архив, II, стр. 161. Курсив мой.) Странно, что у наборщика, так невероятно исказившего это место — если предположить, что это ошибка наборщика, — оказалась такая «творческая» фантазия!

грамотно. *Л. А.*) вольно или невольно вернулась (т.-е. становится, надо было сказать, но тов. Розанов — увы — неточно выражается. *Л. А.*) на точку зрения отвергнутых ею прежде идеалистических историков».

Скучно, необыкновенно скучно заниматься опровержением безграмотно формулированных, обвинений. (С грамотным обвинителем иметь дело всегда веселее). Автор приведенной цитаты выдергивает отдельные фразы, искажая смысл высказанных мною положений как раньше, в моих прежних произведениях, так и теперь, в инкриминируемой мне статье. В своей манере цитировать т. Розанов, как и другие мои обвинители, следует способу старого некрасовского цензора, который исправлял статьи писателей, как известно, таким образом:

Если ты написал: «равнодушно
Губернатора встретил народ»,
Исключу я три буквы — «ра-душно»
Выйдет... что же — три буквы не в счет.

Да, удручающе скучно, но делать нечего. Итак, что же я писала о Спинозе в том месте моих «Очерков», на которое указывает тов. Розанов. Вот что: «Материалистами были: Демокрит, Эпикур, Гассенди, Гоббс, Спиноза, Гольбах, Гельвеций, Ла-Меттри, Л. Фейербах, Маркс, Чернышевский и другие крупные люди». В отношении Спинозы делается примечание с ясной целью выделить Спинозу из этого ряда и указать на те именно элементы, которые можно признать материалистическими. Вот это примечание:

«Здесь, разумеется, не место входить в подробности системы Спинозы. Грандиозное, последовательно продуманное мировоззрение гениального мыслителя до такой степени искажалось и искажается идеалистическими историками и комментаторами, что восстановление его точного, истинного смысла требует в настоящее время специальной обширной работы. Ограничимся здесь лишь указанием на то, что в основу учения Спинозы положен строго проведенный принцип механической причинности. Полное же отрицание телеологии и безусловное признание принципа механической причинности является душой материализма. Думаем также, что приведенные ниже места из «Этики» с достаточной ясностью обнаруживают материалистическую сущность действительного спинозизма»¹.

Итак, еще раз — в отношении материализма Спинозы делается весьма значительная оговорка. Всякий грамотный и добросовестный читатель поймет, что строгая последовательность Спинозы относится к последовательному проведению принципа механической причинности и полному и последовательному отрицанию трансцендентной телеологии. Эти элементы я считала и продолжаю считать душой материализма.

Что же касается моего мнения об искажении Спинозы идеалистическими историками, то и от него я отнюдь не отказываюсь и придерживаюсь его и в настоящее время. Идеалистические историки, напр., отрицали атеизм Спинозы, выдвигая на первый план мистические стороны его учения, игнори-

¹) «Философские очерки», изд. 4-е, стр. 76.

ровали его глубокую историко-материалистическую критику трансцендентной теологии и т. д. Словом, действительно, исказили истинную природу спинозизма. Но тут же должна признаться, что не в меньшей степени искажается в настоящее время система Спинозы нашими «воинствующими» «материалистами», действующими не путем критической мысли, а дальнобойными орудиями, сразу разрушающими все теологические привески мыслителя XVII века.

Для истинного развития марксистского материализма, искажения последнего толка не менее вредны, если даже не более, чем искажения первой формации. Признание Спинозы последовательным материалистом делает возможным и обратное: 'признание марксиста последовательным спинозистом. А так как в действительности спинозизм не есть последовательный материализм, то пропаганда спинозизма является пропагандой урезанного материализма, пропаганда, которая начинается с урезывания материализма и заканчивается полным отрицанием и «глубокомысленным» преодолением материализма, как такового.

Приведу весьма внушительный и весьма поучительный пример. В своей известной (книге: «Суб'ективизм и индивидуализм в общественной философии», Бердяев, отступая от марксизма, писал: «Мы склонны думать, что Маркс и Энгельс были скорее спинозистами, чем материалистами» (стр. 116). Итак, Бердяев, отказываясь от материализма и не желая еще разорвать с марксизмом, провозглашает Маркса и Энгельса спинозистами, с которыми он может солидаризироваться. Ясно, таким образом, что провозглашение Маркса и Энгельса спинозистами являлось крупным шагом по направлению от материализма к идеализму.

Усмотрев опасность для развития марксистской философской мысли в одновременном искажении и материализма, и спинозизма, я и решила написать статью, в которой поставила себе задачей более подробно выявить и выяснить истинные элементы материализма в системе Спинозы, т.-е. те элементы, которые вошли в философию диалектического материализма, и указать на те принципы в системе великого мыслителя, которые должны быть критически отвергнуты. Моя точка зрения на Спинозу никаким изменениям не подверглась.

Еще в 1901 году, в моей статье против Бердяева, напечатанной в Штутгартской «Заре», в редакцию которой входил Плеханов, я писала: «Господин Бердяев, танцуя с легкостью балерины, по всем областям человеческой мысли, соединяет марксову теорию с платоновским «необузданным идеализмом» и с х р и с т и а н с к о - м и с т и ч е с к о й частью (познаваемая любовь к богу—*amor dei intellectualis*) в учении Спинозы¹). Как видит читатель, я уже в 1901 г. признавала м и с т и ч е с к и й элемент в системе Спинозы, и Плеханов не возражал против такого признания, не возражал по той причине, что отлично понимал значение теологического привеска».

¹) Там же, стр. 123.

И затем, в моих «Философских очерках», там, где речь идет об определении материи, говорится следующее: «Монизм, признающий одно философское начало, не может дать этому началу определение». Именно по этой причине Спиноза, который наиболее глубокомысленно подошел к этому вопросу (здесь имелось в виду полное и исчерпывающее определение основного начала. *Л. А.*), определил с х о д н ы й п у н к т познания, субстанцию, как *causa sui*. «Реальность материалистов — материя дана нам в опыте и познается нами посредством ее свойства и ее действий на наши чувства восприятия» (стр. 82, изд. 3). Как же выражается в этой выдержке мое отношение к субстанции Спинозы: отождествляется ли она с материей, или не отождествляется в ней? Человек грамотный в буквальном смысле этого слова, грамотный ответит на этот вопрос отрицательно: — не отождествляется. Заслуга Спинозы, согласно сказанному здесь, состоит в том, что он исходный пункт, как таковой, субстанцию рассматривал, как *causa sui*. Говоря вышесказанными словами Энгельса, мир должен быть объяснен «из самого себя». Эта мысль перешла к французским материалистам, а потому и говорится в приведенной выдержке, что реальность материалистов, материя, не может быть и не нуждается в объясняющей причине, лежащей вне ее самой. Это значит, что от Спинозы к материалистам перешел принцип *causa sui*, но не содержание самой спинозовской субстанции. Ибо тут же подчеркивается, что субстанция материалистов есть материя. По существу же, в этом месте «Философских очерков» проводится опять-таки та же самая мысль, которую я к своему удовольствию прочитала осенью 1925 года в «Диалектике природы» Энгельса.

И далее в инкриминируемой же мне статье, из которой мои обвинители состряпали, можно сказать, ритуальное дело, написано: «Упомянутая выше знаменитая 7-я теорема 2-й части «Этики» — «порядок и связь идей те же, что и порядок и связь вещей» — развертывается в этой части «Этики» в чистом материалистическом значении» («Красная Новь», 1925, № 7, стр. 157). Разница между трактовкой «вопроса в «Очерках» и в статье заключается лишь в том, что в «Очерках» взят результат анализа, т. е. взята теорема в том значении, как она развивается во 2-й части «Этики», где она, как сказано и в статье, имеет материалистическое значение; в статье же, где вообще вопрос проанализирован более или менее детально, показано, что материалистическое значение этой теоремы стоит в противоречии к утверждаемому Спинозой равноправием и взаимной независимости атрибутов протяжения и мышления. Самое малейшее добросовестное отношение к содержанию моей статьи должно было избавить от подобного рода искажения. И я, серьезно говоря, думаю, что тов. Розанов, несмотря на полное отсутствие в его голове философской мысли, — отсутствие, проявленное даже в маленькой разбираемой нами заметке, мог понять, что никакого противоречия между «Очерками» и статьей нет. Но дело в том, что тов. Розанов поставил себе в обязанность во что бы то ни стало отыскать в моих работах «реви-

зионизм». Опять припоминается усердие некрасовского цензора, который хвастался:

— Например, Вальтер Скотт или Купер — Их на веру иной пропускал, Но и в них открывал я «канупер». (Так он вредную мысль называл).

Мысли мои искажаются прямо по обязанности. Отвергающие в теории категорический императив, эти почтенные авторы руководствуются в своей практике по отношению ко мне основным правилом нравственной философии Канта «*du kannst, denn du sollst*» (ты можешь, потому что ты должен).

Заканчивая эту заметку, должна огорчить моих обвинителей. Несмотря на мою любовь к ним и на их неукоснительное внимание ко мне, я им не сделаю удовольствия: ревизионисткой не стану. Наоборот, как мои теоретические занятия, так и мои наблюдения над практической действительностью все более и более подтверждают для меня справедливость диалектического и исторического материализма. Моим любезным обвинителем ничего, поэтому, не остается, как следовать старому испытанному правилу: «*Calomniez, calomniez, quelque chose en restera toujours*» (клеветайте, клеветайте, кое-что из клеветы все же останется).

Post scriptum. — Когда эта заметка была уже закончена, ко мне попал в руки второй выпуск «Летописей Марксизма», в котором помещена заключительная речь т. А. Деборина, произнесенная на дискуссии в Институте научной философии и напечатанная под оригинальным заглавием — «Наши разногласия». Эта речь искажает все мои выступления на дискуссии до невероятной степени. (Не избежали этой участи также и речи других выступавших товарищей.) Истинность этого моего заявления подтверждается существующими протоколами заседаний Института научной философии, в которых основные мысли моих трех речей зафиксированы секретарями. Эти речи будут своевременно опубликованы, и тогда читатель сможет сам убедиться в справедливости моих слов. Не могу, однако, обойти молчанием одно прямо изумительное, мне непонятное искажение. Можно сердиться на своего противника до самой крайней степени. Можно при этом чувствовать свое сердитое бессилие. Но при всем том, нельзя не сохранить известной меры. На стр. 19 упомянутых «Наших разногласий» т. Деборин пишет: «Но т. Аксельрод непростительно, когда она, со свойственной ей самоуверенностью и сознанием «превосходства» над нашими единомышленниками, с апломбом заявляет, что мысль — это скопище электронов». Прежде всего, я утверждаю, и ни на минуту не сомневаюсь в правильности этого моего утверждения, что сам т. Деборин знает, что это его обвинение не соответствует истине ни в малейшей степени. Ему очень хорошо известно, что так определять мышление я не могу. Электроны были мною упомянуты на дискуссии по следующему поводу и следующим образом. В моей речи тов. Стэн воскликнул приблизительно так: «Неужели же моя голова с ее

свойством мыслить есть собрание электронов». Отвечая всем моим противникам, я вспомнила по поводу этого восклицания один эпизод из моей полемики с митрополитом Введенским (на одном митинге): митрополит сделал точно такое же возражение материалистам, как и т. Стэн, на что я ответила: если человеческая голова с ее свойством мыслить является совокупностью электронов, то это во всяком случае более утешительно, нежели в том случае, если бы она была божьим созданием, ибо в первом случае этот часто никуда не годный аппарат может с течением времени усовершенствоваться, между тем, если бы голова человеческая была созданием Божиим, тогда пиши пропало. — Вот этот-то эпизод и был мною рассказан по поводу вышеозначенного восклицания т. Стэна.

Оставляю теперь в стороне этот полемический эпизод, хотя он не лишен некоторого серьезного смысла. Приведу несколько выдержек из одной моей печатной работы, которые ясно покажут всякому читателю (т. Деборину доказывать не надо: он и сам знает), до какой степени искажены мои взгляды на мышление в этом, взятом т. Дебориным в кавычках, выражении, которое — повторяю — мною не было сказано и не могло быть сказано. Вот что я, например, писала по поводу «условных рефлексов»: «Учение об условных рефлексах призвано раскрыть тайну мышления. «Сложная реакция животных — гласит строго объективно обоснованный вывод Павлова — могла бы рассматриваться в субъективном мире, как субстрат элементарного мышления». Тут (продолжаю я) материализм торжествует величайшую победу. Но не следует тем не менее забывать, что от физических условий, вызывающих слюнную реакцию животного, до мышления и метода исследования Павлова — дистанция немалых размеров»... «Величайшим заблуждением и пагубнейшим упрощением великой проблемы познания является о т о ж д е с т в л е н и е всего сложного содержания мышления с его элементарными формами проявления». И это сказано не только о «скопище электронов», но и о слюнной реакции! И дальше у меня там же говорится: «Представим себе, что мозг моего ближнего обнажен и что я, в качестве исследователя, наблюдаю деятельность нервных центров как раз в то мгновение, когда он испытывает известное впечатление. И что же? При этом идеальном для познания условии, я бы все же узнала лишь д в и ж е н и е , причиняющее ощущение моего ближнего, но не получила бы ни малейшего представления о внутреннем состоянии, т.-е. о его переживании, другими словами, таковое оставалось бы для меня покрытым густым непроницаемым туманом».

Спрашивается теперь, похоже это на придуманную для моего посрамления нелепую комбинацию слов: «мышление есть скопище электронов»? Ответ, думаю мне, вполне ясен. И приведенные только что выдержки взяты не из моих произведений, написанных 20 и 25 лет тому назад и удостоившихся высочайшего одобрения т. А. Деборина, но из предисловия к книжке т. Д. Рахмана «Джон Локк», написанного в 1924 году.

В «Наших разногласиях» до такой степени все перепутано, что мысли одного оратора приписываются другому. Так, напр., по вопросу об определении класса т. Н. И. Бухарина цитировал тов. Варьяш. Между тем, как ссылка на

т. Бухарина приписывается т. Дебориным мне, при чем это мое мнимое цитирование изображается в такой изящной и изысканной форме: «Л. И. Аксельрод попыталась ухватиться за фалды тов. Бухарина». А. Деборин старается, повидимому, строго следовать своему глубоко-эстетическому правилу полемики, высказанному им в его статье «Новый поход против марксизма» («Летопись Марксизма», I) и гласящему, что «самое вкусное блюдо, как известно, нуждается в щепотке перцу» (напр., мороженое. *Л. А.*).

В заключение, не могу не выразить удивления по поводу того, что тов. Д. Б. Рязанов позволил, в качестве ответственного редактора «Летописей Марксизма», печатать в этом органе заключительное слово дискуссии, выражающее собою не résumé, а являющееся полемическим и грубо-полемическим ответом на речи ораторов, без помещения этих речей. Впрочем, это должно, по всей вероятности, служить оправданием архи-исторического характера названия журнала: «**Летописи Марксизма**».